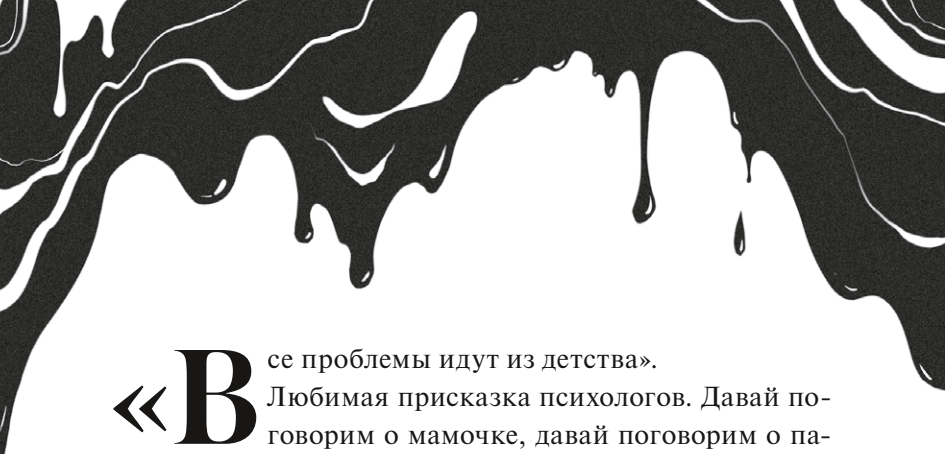

Я НЕ ПАНИКУЮ

«**В**се проблемы идут из детства». Любимая присказка психологов. Давай поговорим о мамочке, давай поговорим о папочке, покажи-ка на этой кукле... И если это все, что нужно, чтобы обвинить кого-то в своих проблемах, что ж. Ладно. Как насчет такого оправдания?

В детстве ему редко говорили, что он что-то делает хорошо.

Казалось, окружающих больше пугало, когда у него что-нибудь получалось, — их брови сползали ниже, губы тревожно поджимались, а ручка начинала быстро бегать по планшетке. И вот что унизительно: он ведь старался. Из кожи вон лез ради похвалы.

Эти брови, эти губы, планшетка, ручка — они всегда сопровождали его успехи. На три минуты под водой больше, чем в прошлый раз; быстрее пойманный мяч; сильнее сжатый эспандер; более высокий прыжок... На что бы его ни тестировали, сколько бы сил он ни прикладывал, чтобы ни делал, этого никогда не оказывалось достаточно.

Ничего удивительного, что ребенком он хватался за любое брошенное хорошее слово. Сейчас, вспоминая об этом, он стыдился и злился, но увы: не было способа вернуться в прошлое и отвесить оплеуху себе пятилетнему. А воспоминания, как назло, оставались четкими и ясными, отчеканенными прямо на гиппокампе, — не размыть и не вытравить.

Вот он сидит в углу комнаты ожидания, увлеченно склонившись над бумагой, разве что носом в нее не ныряет. Вокруг все такое белое, что аж глаза режет: стены в текстурной штукатурке, пластиковый стол, шершавый кафель, люминесцентный свет, заливающий все вокруг. Помещение пустое, если не считать стола, стула, его самого — единственное темное пятно в этом стерильном вакууме, — и настенных часов над закрытой дверью: стрелки и точки у них глянцево-черные и бликуют. Он знает точно, что у него есть три деления длинной стрелки, прежде чем за ним вернутся: обладателям хмурых бровей и сжатых губ всегда требовалось много времени, чтобы обсудить новые данные на своих планшетах. Это рутина — и поэтому он не беспокоится. Старательно вырисовывает на альбомном листе пасущихся коров, тонкую рабицу забора, коричневые крыши амбаров и серые кузова грузовиков. Потом добавляет надписи, у каждого кузова разные. И на всех одинаковые логотипы — рога в волнистом круге. Рисунок выходит скучным: у него всего четыре карандаша и одна красная ручка, но ему нравится комбинировать, так что ничего страшного. Он старается не выезжать за контуры и тщательно прорисовывает мелочи: от этого картинка все-таки становится поживее, а время идет не так медленно.

Женщина-с-пучком — у людей в белых халатах за пределами репозитория никогда не было имен — останавливается возле его стула и заглядывает ему через плечо. Он плохо ее знает, она появилась только в прошлом месяце; потом он подслушает, как ее назовут «доктор Геллер», но пока что она *Женщина-с-пучком*. Это первый раз, когда она с ним заговаривает: приветливо спрашивает, что на рисунке. Ответ не должен был ее удивить — это место, которое он всегда проезжает по пути из репозитория сюда. Раз

в месяц, когда можно увидеть дорогу, другие машины, даже людей из затонированного окна автомобиля. Он всегда видит именно их: эти домики с коричневыми крышами, эти грузовики и этих коров. Коровы ему особенно нравятся: у них красивые пятна и их интересно рисовать.

«Точно! Это же ферма „Уилкинс Биф“, — почему-то радуется *Женщина-с-пучком*, — она на западном шоссе, очень похоже! У тебя отличная память... И ты очень внимательный, молодец. Не каждый бы заметил столько деталей! А можно мне взять рисунок?»

Он не показывает вида, но на самом деле он так рад, что, конечно, дарит ей эту идиотскую мазню. И другой рисунок, тот, что под ним, — на нем Грегори из репозитория и доктор Янг в своих смешных очках.

И вот что унизительно: он ведь старался. Из кожи вон лез ради похвалы.

Недоумок.

Конечно же, после этого к плаванию, бегу, прыжкам и упражнениям добавляются тесты на зрительную память. Они стали проверять его рисунки, и теперь их нельзя было выносить из комнаты ожидания. А однажды он увидел, как в репозитории доктор Эйбл просматривает его альбом — с низко опущенными бровями и поджатыми губами, — и постепенно он разлюбил рисовать. Доктора Геллер куда-то перевели через пару лет, но было уже поздно: ее одобрение ядом въелось так, что и сейчас стояло у ушей, словно издевка.

«Ты очень внимательный».

Сейчас воспоминание об этом привело его в бешенство. Внимательный?

Не заметил трещину в камнях. Не успел отскочить. Вовремя не понял, что этот тупой мальчишка, Брандэн, притащит сюда остальных деревенщин.

Внимательный, кретин, как же. Теперь стой, осел, у порога шахты и думай, как попасть внутрь!

И Сайлас с яростью затоптал окурков в свежий снег.

Утро осталось сотни часов тому назад. Но даже сейчас на улице все еще стоял день — такой длинный, как будто кто-то поставил его на паузу. Время, всегда считал Сайлас, должно тянуться медленно, когда ничего не происходит, и бежать вперед, когда вокруг бушует шквал событий. Но в Глеаде оно каждый раз давало сбой: за эти часы, что он здесь провел, небо осталось таким же бесконечно серым, а в тусклом лесу вокруг совсем не прибавилось теней.

Безрадостный пейзаж гармонировал с безрадостными лицами шахтеров, которые теперь были на каждом шагу, — и все это вместе действовало Сайласу на нервы. Он стоял поодаль от входа в шахту, наблюдая, как несколько мужчин заходят внутрь с инструментами. Какая уже группа по счету? Третья? Люди курсировали туда и обратно, и только главный, Йен, как ушел внутрь, так и не возвращался.

Стоящий рядом ирландец заговорил — может быть, с ним, может быть, с мирозданием, черт его знает, — хмуро разглядывая распахнутый настежь вход в шахту. Скачущий ирландский говор раздражал Сайласа не меньше, чем сами ирландцы. Его бесили уходящие вверх окончания, его бесила твердая, словно мешающаяся под ногами «р». Сайлас не любил находиться в толпе — и еще меньше он любил толпу, которая трепалась на языке, который он не понимал.

А этих *долбанных* ирландцев здесь была *долбаная* толпа.

Обвал в шахте — спасибо Роген и ее неумению думать наперед — созвал сюда половину этого проклятого богом

местечка. Теперь взбудораженные шахтеры сновали здесь и там, мешая Сайласу делать его работу. Внутри его не пускали: он пытался придумать какой-то правдоподобный предлог, но и в этом облажался. Йен сказал, что там теперь опасно и сначала нужно разобрать завалы. *Разобрать завалы!* Если очаг действительно там, эти недоумки не только завалы разберут, но и выкопают кого не просили!

Йен так и не возвращался, и Сайлас мрачнел с каждой минутой. Никто здесь не вызывал доверия, но этот мужик — особенно.

То, что Махелона появился из шахты весь в крови — камнепад знатно проехался ему по лицу, — не произвело на шахтеров никакого впечатления: их словно интересовал только факт обвала. Йен ни слова не сказал, хмуρο оглядел их и повел своих людей внутрь.

Ладно, никакой чуткости от них и не ждали — в конце концов, кучка иностранцев полезла туда, куда им запретили, разрушила чужую собственность, и, положив руку на сердце, Сайлас мог понять претензию. Но если вы видите человека, которому булыжник чуть не снес полголовы, стоит хотя бы задержать на нем взгляд? Но нет. Они Махелону будто не заметили.

С другой стороны, если вы заранее знали, что так и случится... Сайлас покрутил мысль в голове, разглядывая нескольких оставшихся снаружи мужчин. Ему самому досталось не так сильно: ушибы не причиняли дискомфорта, а царапины на лице быстро перестали кровоточить. К вечеру заживет, но выглядит он сейчас, наверное, как полное дерьмо.

Его они тоже замечали, только когда он к ним обращался.

Долбанные ирландцы.

Зачесались пальцы — хотелось снова достать сигарету, но, когда Сайлас уже полез в карман, из шахты послышался шум, а затем оттуда начали выходить люди. Йена среди толпы опять не оказалось — подозрения зашевелились с новой силой, — но на этот раз шахтеры были чем-то обеспокоены. Один из них что-то громко объявил стоящим на улице — лица у тех изменились. Что бы он ни сказал, звучало озабоченно и тревожно. Сайлас тут же забыл о сигарете.

— Вы что-то нашли? — накинулся он на Брадана, стоило его запыленной унылой роже показаться на свет. Тот сощурился, прикрывая глаза рукой, — ну да, парень, как будто у вас тут шпарит солнце — и не сразу нашел его взглядом.

— Не точно... Они все еще проверяют, но... — Он неуверенно огляделся, будто сомневаясь, что ему стоит говорить что-либо Сайласу. Да ну как же! — Мы убрали верхний слой завала, и это очень странно. Место, где нашли вашего друга...

Да не тяни же ты кота за хвост!

— Это не шахта.

Дневной свет проникал в предбанник через тонкие щели, светлыми полосами разделяя крохотное помещение на равные отрезки. Одна такая пересекала кроссовки Джеммы: те самые, которые пережили ирландские ливни, снег и кровавое месиво на дне оврага.

На правом оказался вспорот задник. Вопрос времени, когда он начнет разваливаться.

Черт. А хорошие ведь были кроссовки. Сто двадцать баксов отдала.

Сквозь щели задувал ветер, и Джемма бы промерзла, сидя прямо на холодном полу, — но жар от топки доползал через перегородку предбанника, не давая холоду ее схватить. На крохотное, маленькое мгновение Джемма разрешила себе забыть о том, что ждало ее за хлипкими деревянными стенами: она не слышала свистящего ветра, не видела голой заснеженной равнины, окруженной стеной леса, не видела неприступных холмов и грубо сколоченных домишек. Не ощущала на себе чужеродного взгляда из лесной чащи. Не боялась приступов необъяснимого делирия. Не задавала вопросов, на которые не могла получить ответов. Внутри тесной бани, ветхой и разваливающейся, она на одну-единственную секунду позволила себе поверить, что вокруг всё в порядке.

А затем громко скрипнула дверь, и тяжелая волна влажного тепла ударила ей в лицо. Джемма подняла голову. Подумав, сказала неуместно веселым тоном:

— Приветтики.

Купер как раз протискивал голову в узкий ворот водоплазки. Влажные черные волосы завились, облепляя бледное лицо, и в сумраке неосвещенной бани Джемме показалось, будто кожа его обтягивает череп, как у мертвеца, — но через мгновение Купер окончательно вынырнул из горловины, и морок сгинул. Она догадывалась, что это. Так выглядят остатки страха, который всюду тебе мерещится.

Обнаружив у дверей сидящую Джемму, Купер остановился. Выражение его лица казалось неуместно надменным для человека, теребящего в руках носки с уточками.

— Я думал, — сказал он сухо, — вы будете ждать снаружи.

— Ну, я ведь не полезла к тебе, пока ты был голый? Так что не жалуйся.

Это заставило Купера нахмуриться.

«Что ж, — с удовольствием подумала Джемма, — теперь тебе часто придется хмуриться. Тебя ведь раздражают мои шутки».

И теперь ты здесь.

— Чье это? — сменил тему Купер, показывая носки.

Водолазка пришлась ему впору, а вот джинсы были откровенно коротки. Он старался держать лицо, но Джемма слишком хорошо его знала, что, конечно, звучало абсурдно, ведь это была их первая в жизни встреча.

— Фонд помощи пропавшим агентам имени Нормана Эшли, — хмыкнула она. — Местная благотворительная организация.

— Нормана Эш...

— Светленький в очках. Аналитик.

— Светленький в очках, — медленно и без выражения повторил Купер.

Конечно, его это смущало. И дело было не в том, что он привык работать только со своим аналитиком и следовать тщательно упорядоченной рутине. Не имело отношения к его растерянности и то, что он привык носить только свой тщательно подобранный гардероб, в котором не было места носкам с принтом, — хотя и это все Джемма о нем тоже прекрасно знала. Дело совсем не в этом.

— «Айриш резорт», — пошутила она, чтобы его отвлечь, — пять звезд, все включено. Возвращайтесь к нам еще.

Конечно же, он нахмурился:

— Вам что, весело?

Он был таким... *знакомым*. Он был всем, что Джемма о нем помнила, до мелочей. Это вызывало почти детский восторг: видеть его своими глазами. Длинную шею, недовольную кривую рта, складку на лбу от сведенных

бровей, движения рук, выпрямленную спину. Все это. Наяву.

— Что? — спросил Купер, поймав ее взгляд. Он поправил воротник вокруг горла, умудряясь выглядеть одновременно недовольно, отчаянно и потерянно. Джемма почти любовалась. Вместо ответа она подняла руку, медленно ее протянула — а потом ушипнула Купера за икру сквозь ткань джинсов.

— Что вы де... Ай!

Купер возмущенно уставился на нее сверху вниз из-под мокрых волос. Джемма ответила:

— Проверяю, — и уточнила. — Настоящий ли ты.

Купер замер, и, пусть лицо его осталось сумрачным, он сделал шаг назад, этим выдавая тщательно скрываемое замешательство.

Да, она знала, что слишком беспечно себя вела. Нужно было по-другому, не надо было ставить его в тупик, нельзя было его запутывать... Он ведь до сих пор до конца не отошел от шока. Мокрый и продрогший, стоял перед ней, переминаясь босыми ногами по обдуваемому полу, и смотрел так, будто Джемма сейчас даст ему все ответы.

День назад Джемма была той, кто умолял его об ответах.

Какая же злая ирония.

— Вы ведь понимаете, что я... — начал было Купер, но потом оборвал сам себя. Попробовал еще раз: — Вы говорили про это, но ведь...

— Все нормально, — перебила она его. — Слушай, ты знаешь эту работу. Такое дерьмо — оно случается. Не объяснимое и загадочное. Не паникуй. Просто надень носки и ныряй в ботинки. Смерть от переохлаждения не то, ради чего я столько тебя искала.

— Я не паникую, — тут же отрезал Купер.

Джемма ответила почти с сочувствием:

— Паникуешь.

«Отсутствие контроля тебя пугает», — она не произнесла этого вслух. Джемма прекрасно понимала: чем больше подобных вещей она будет говорить, тем больше Купер будет закрываться. Это будет сбивать его с толку. Нервировать. И в конечном счете оттолкнет.

— Для меня, — сказала Джемма, глядя на него снизу вверх, — это не менее странно, чем для тебя. Окей? Ты не один. Нас тут двое, в этом бедламе. Я вот о чем.

Купер несколько секунд смотрел на нее, но ничего не отвечал. В реальности глаза у него были такими же прозрачно-серыми, как и во снах.

Наконец отмерев, он принялся надевать носки, а вслед за ними свои ботинки. Даже шнурки перетянул, чтобы аккуратно их завязать. Джемме это казалось смешным, но Купер делал все с таким сосредоточенным видом, что она в кои-то веки решила промолчать.

А потом он опустился на пол — прямо напротив нее. Подобрал к себе длинные ноги и обхватил их руками. Теперь они сидели здесь, в тесноте предбанника, словно собирались о чем-то секретничать. Впрочем, им, несомненно, было о чем. Ведь проблема у них была одна на двоих.

— Расскажите мне все, — твердо сказал он. — Еще раз. Простая — и одновременно весьма сложная проблема. *Теодор Купер ничего не помнил.*

— И первым делом она отвела его помыться. Я вот думаю, это больше безумно или разумно?

Никто ему не ответил.

Лицо Блайта, находившееся прямо над ним, ничего не выражало: ни обеспокоенности, ни тревоги. Гладкое, как камень, оно скрывало все, что происходило внутри его вихрастой головы, — идеальный кандидат для игры в покер. Впрочем, подумал Кэл, все-таки нет: язык тела выдавал парня с головой.

От крови Кэл отмылся, и, несмотря на тупую боль, разлившуюся по всей правой половине лица, ему казалось, что он выглядит не так уж и плохо. Видимо, Блайт считал по-другому: каждый раз, когда он дотрагивался ваткой до лица Кэла, пальцы у него слегка подрагивали. Бутылку с перекисью он сжимал так сильно, что пластик иногда опасно хрустел.

На нем самом не было ни царапины: кроме каменной пыли, от которой не удалось до конца избавиться, ничто не выдавало в нем того, кто пару часов назад пережил камнепад в богом забытой шахте. Кэл разглядывал его, почему-то поражаясь тому, что реальность была не в силах оставить на Блайте хоть какой-то осязаемый след.

Блайт упорно избегал его взгляда, сосредоточившись на ране на лбу, так что Кэл скосил глаза на Нормана:

— Ты там в порядке?

— Гм.

Тот лежал на кровати прямо в куртке и ботинках. Волею судьбы ему досталось меньше всех, даже очки уцелели. Дед Кэла бы сказал, что раз Норману уже три раза повезло выйти из сомнительных ситуаций без каких-либо увечий, значит, в умнике много маны. Кэл не знал, что насчет маны, но вот посттравматического шока Норман явно увезет отсюда полный вагон. «Гм»? На тридцать слов меньше, чем обычно.

— О чем... Ауч! — возмутился Кэл, когда ватка Блайта неудачно обожгла висок. Тот блекло заметил:

— Держите голову ровно, будьте добры. Кровь снова потекла.

Может быть, в свободное от роли официанта в пекарне время он подрабатывал ассистентом у врача. А может быть, все дело в его неуместной вежливости. В любом случае это «будьте добры» звучало нелепо, и Кэл позволил себе смешливо хмыкнуть. Блайт сощурился, но ничего не сказал — только сменил ватный диск на новый.

— О чем ты там задумался, приятель? — все-таки спросил Кэл, обращаясь к Норману.

— О том, что чуть не умер под завалами. А мне нельзя умирать. — Он неожиданно сел на кровати, и Кэл снова повернул голову. Очки на лице Нормана перекошились, но он не обратил внимания и взволнованно заявил: — У меня дома кошка.

На лице у него алели полосы ссадин, но в остальном... «Чуть не умер»? Да будет тебе. Больше всех в этот раз досталось Кэлу. Впрочем, он был и не против. Лучше уж так, если выбирать.

— Ты уже пережил ночь в лесу в одиночестве, — оптимистично сказал Кэл. — Что тебе этот завал? Ты супермен, Норман.

Тот только рассердился:

— Прекрати превращать в шутку каждый мой раз на пороге смерти!

— А ты прекрати драматизировать, — Джемма появилась на пороге, на удивление стремительная и энергичная. — Никто не умрет. Это будет плохо смотреться в моем отчете.

Все повернулись к ней. Конечно, так происходило *всегда* — это было естественно; так люди против воли оборачиваются на аварии, с ужасом наблюдают за торнадо или землетрясениями, вздрагивают от грохота

грома. Только стихийные бедствия и кровавые трагедии могли составить Джемме конкуренцию — но сейчас она скорее удивила громким голосом и бодростью, от которых за последние дни все почти отвыкли.

Впрочем, Джемму всегда угнетало ожидание. Куда живее она становилась, когда в дело вступал господин Риск.

— Официально запрещаю каркать беду, — заявила она и, прежде чем кто-то успел сказать хоть слово, широким шагом подошла к кровати. Она схватила Нормана пальцами за подбородок и повернула к свету, придирчиво оглядывая. Цокнула языком и поправила ему очки:

— Всего-то пара царапин.

— Я с тобой не разговариваю, Джемайма, — Норман вырвался из ее хватки и повалился спиной обратно на кровать. — Боже! Из-за тебя мы все чуть не погибли!

— И снова он драматизирует!

Она обернулась на дверь, словно призывая кого-то засвидетельствовать этот акт возмутительной трагикомедии. Кэл повернулся следом.

Теодор Купер громоздился молчаливой тенью в дверном проеме.

Однако! Ну и рост у парня! Кэл привык, что Джемма выше него, — она возвышалась рядом, и это ощущалось правильно вставшим пазлом в привычной картине его жизни; еще одна ее черта вроде раздражительности или манеры флиртовать. Но вот рост Купера почему-то резал глаз. То, как он упирался макушкой в дверную перекладину и неестественно возвышался над комнатой, словно кто-то поставил его на пьедестал, неприятно удивило Кэла. Даже рост Ронни из гоэтического не производил такого гнетущего впечатления.

— Давай еще раз, — Джемма указала пальцем на Нормана, — этот очкарик пожертвовал тебе одежду. — Появление Купера заставило Нормана сесть повторно, на этот раз куда более сосредоточенно. — Норман Эшли, аналитик. Большой парень — Кэл Махелона. — Кэл поднял ладонь, но Купер на него даже не взглянул. — И вместе с нами — команда мечты. Ликвидаторы. Наш гоэтик остался на месте очага, где тебя нашли, он вернется позже.

— А вы?

У Купера оказался низкий, грубый голос, совсем не вяжущийся с его лицом; вопрос же предназначался Блайту. Тот неловко замер, не отвечая, — и остальные тоже замерли, переглядываясь. На лице Джеммы Кэл за пару секунд прочел много нецензурных выражений. Они молчали, и, непонимающе оглядев их, Купер настоял, обращаясь к Блайту:

— Роген вас не представила.

— Кого? — Джемма почесала в затылке, осматриваясь. — Кого не представила?

— Господи, Джемма... — закатил глаза Норман. — Послушайте, Купер, это может прозвучать странно, но...

Джемма кинула взгляд на Кэла, и тот поднялся со стула, направляясь к двери, протянул Куперу ладонь и одновременно загородил Нормана:

— Это Киаран. Он ирландец, гражданский. Немного позже с подробностями, договорились? — Купер удивленно моргнул, словно только его заметил. Худая, длинная ладонь оказалась ледяной, но тут же утонула в ладони Кэла. Рукопожатие у него вышло вялым. — Ну и доставил ты нам проблем, парень! — Второй рукой Кэл дружелюбно пожал его плечо. Купер слегка поморщился. — Да, да, я знаю, что у тебя сейчас сложности с этим, так что просто поверь на слово...

— У вас лицо в крови.

Купер произнес это так, будто был недоволен этим фактом.

— Дай сюда, — шикнула Джемма Блайту, протискиваясь к Кэлу между кроватями. Тот послушно подставил лицо под тусклый свет из окна и взгляд Джеммы. Вытерев ваткой свежие потеки крови, она заключила:

— Слушай, ну вроде можно не зашивать. Выглядит неглубокой. Шрамом больше, шрамом меньше, ты красавчик в любом случае. Налепим пластырь.

— Шрама не останется, — тихо пробормотал Блайт. Впрочем, никто не обратил внимания, потому что Джемма не делала пауз:

— Дождемся Доу и составим план действий. Нужно залезть этой шахте в глотку — где-то там, скорее всего, сидит и Суини.

— Ну, детка, с этим куча проблем, потому что теперь они бегают вокруг нее, как...

— Извините.

Голос Купера бульдозером вспорол комнату, прерывая Кэла. Такое происходило нечасто — и снова стянуло к нему все взгляды.

— Мы можем поговорить о главной проблеме? — Купер вздернул брови, словно предлагал что-то само собой разумеющееся. — Обо мне.

«О тебе, да? — со вздохом подумал Кэл, оглядывая его сверху вниз, от темной макушки до неуместно городских ботинок. Купер так и стоял в дверях, не переступив порог, как будто не хотел втискиваться в тесноту комнаты. — Ну, это будет непростой разговор, приятель».

Они нашли его под завалами: ошалевшего, истощенного и еле ворочающего языком. Он не мог ответить, как

он там оказался и сколько там просидел. Он не мог вспомнить Джемму.

Он не мог вспомнить, как попал в Ирландию.

То, что он смог выдать о своих последних передвижениях, — это как выключил свет у себя в квартире в Бостоне и забрался в кровать. Даже помнил время — была почти половина второго... четырнадцатого ноября. Ровно за день, как он позвонил в офис, заявляя, что отправляется за Суини.

«Вот же срань», — сказала в тот момент Джемма. И Кэл считал: сам Шекспир не сказал бы лучше.

— С моими воспоминаниями нужно разобраться в первую очередь, — настоял Купер. — С тем, что их нет.

Да ладно. Кэлу было почти смешно: расскажи-ка им, с чем в этой долине следует *разобраться в первую очередь*.

— В первую очередь тебе нужно отлежаться, — сказала Джемма. — Мы не знаем, сколько ты просидел в шахте и в каком состоянии был.

— Мы не знаем, сколько я просидел в шахте, — повторил ее же фразу Купер. В голосе звучала непреклонность, несмотря на то что в следующей его фразе был и оттенок вежливости: — Так что лежанию в кровати я бы предпочел обстоятельный разговор и что-нибудь из еды. Если можно.

Когда они вернулись из шахты, Мойры в доме не было — и Кэл вызвался соорудить что-то из еды сам. Из чего старушка вообще тут готовила? Кухня выглядела нетронутой. Проведя ревизию ящиков, Кэл нашел только проросшую картошку и черный хлеб грубого помола.

— Есть гороховая каша. Мойра убрала ее в ящик в полу, у стены слева.

Конечно, Блайт проскользнул на кухню следом за ним. Кэл не удивился. Достав кастрюлю с кашей, он водрузил ее на плиту и отвернулся, чтобы выбрать поленья для топки. Когда он, сидя на одном колене, повернулся обратно, Блайт стоял рядом с ним, неприкаянно рассматривая картошку.

— Села батарейка? — поинтересовался Кэл.

От плиты, которая топилась безостановочно, шел приятный жар. Самое нагретое место было здесь, на кухне: островок тепла посреди постепенно утопающего в холоде дома. Может быть, Блайт пододвинулся ближе не к нему, а к плите — выглядел он замерзшим.

И задетым.

— Вам обязательно надо подчеркнуть, да?

— Эй, эй. Простой вопрос, — Кэл захлопнул чугунную створку и поднялся, отряхивая руки.

Блайт был ниже примерно на полголовы, и, если бы он захотел посмотреть Кэлу в глаза, ему пришлось бы задрать подбородок — но в глаза он смотрел редко. Предпочитал прятать взгляд за волосами, опускать его в пол, отводить в сторону. На прямой контакт он выходил, только когда злился. Это, конечно, подкупало: по той магической логике, которую успел понять Кэл, ленин-ши куда эффективнее было бы смотреть жертве в глаза.

— Хорошо, — неожиданно согласился Блайт. — Тогда вы первый.

— Первый что?

— Отвечаете. О самочувствии. Голова в порядке?

О как. Ну, рана на голове пульсировала и чесалась и, возможно, когда спадет действие обезболивающего, начнет еще и раскалываться. Но Кэл все равно чувствовал себя лучше, чем мог бы.

— Ты это у гороховой каши спрашиваешь? — позволил себе небольшую подначку он и ткнул в себя пальцем. — Потому что я-то здесь.

Блайт принципиально повернулся к нему боком, оказавшись лицом к плите. Посмотрите-ка! Кэла это развеселило.

— Вам нужно будет поменять повязку перед сном, — тем не менее сказал Блайт. — Чудо, что вы вообще остались с глазом.

— Черная повязка — это стильно!

— *Мистер Махелона.*

Кэл хмыкнул и обошел его, чтобы нарезать найденные в ящике овощи. Он бы не сказал, что встать вплотную к Блайту, толкая того плечом, было делом случая и тесноты кухни: в конце концов, несмотря на то, что в обвал Блайт не попал, у него сегодня тоже сложный день.

Это ж помощь ближнему, эй. Так что напрягаться и замирать, как каменный, вовсе не обязательно.

— Как у тебя с готовкой? — переводя тему, спросил Кэл, откручивая крышку банки и принимаясь за помидоры.

— Средне.

— Ты же работаешь в пекарне, — удивился Кэл.

Блайт помолчал, но слегка повернул голову, наблюдая, как Кэл орудует ножом. Потом ответил:

— Я и ем в основном то, что продают в пекарне. Ее хозяйева, Морин и Донал... В общем, они не против.

— То есть сам не готовишь?

— Нужды особой не было.

Кэл представлял это довольно ярко. Пара, держащая пекарню, посетители, соседи, одноклассники... И все пытаются угодить, помогают, берут под крыло, стоит на них только посмотреть — оказываются очарованы.

Обычно энергетические вампиры оставляют после себя весьма неприятные ощущения: люди жалуются на отсутствие сил, ухудшающееся настроение. Но ведь у ленин-ши был козырь в рукаве.

Они предстают перед своими жертвами в облике невероятной красоты, которой невозможно сопротивляться.

Облик невероятной красоты устало потер нос.

Стоит человеку поддаться их очарованию — и он погиб и телом и душой...

Если бы это было обычное дело и Кэл с Джеммой сидели бы в номере отеля, составляя профиль, первым предположением стало бы, что субъект должен быть социально активен, чтобы увеличить базу пропитания. Чем больше контактов — тем больше «еды». Значит, общительные, привыкли находиться в центре внимания, умеют манипулировать, чтобы вызывать сильные эмоции.

Полная противоположность Блайту.

Даже при первой встрече тот был интровертен, немногословен. Будто старался минимизировать свое присутствие в пространстве. Кэл находил это... занятым. Он не сочувствовал — нечему было, пацану даже еду в рот клали за красивую мордашку, — но привычка не смотреть в глаза многое о нем говорила.

— Знаешь, что интересно, — Кэл закинул дольку помидора в рот, — Мойра не выглядит слишком-то очарованной тобой. И Брандан тоже. Да и все остальные... Давай, снимай кастрюлю с плиты. Гороховая каша, говоришь? Потрясно. Умираю с голоду.

Впрочем, подкрепиться Кэлу в ближайшее время не светило.

Когда все уселись в столовой, послышался топот по ступеням. Мгновение спустя дверь впустила силуэт

в шерстяном платке — Мойра зашла в дом с порывом ледяного воздуха и сразу же вперилась в них единственным видящим глазом. Цепко перебрала каждого, по одному, как по косточкам. И только после этого сварливо объявила:

— Йен вернулся. Хочет с вами поговорить. Ваш индеец с ним.

Ни слова о том, что они притащили ей в дом еще одного незваного гостя. Ни уточняющих вопросов — в порядке ли они, что там случилось, — просто вбила слова в воздух, как гвозди.

Джемма со вздохом начала подниматься со скамьи, но резкий голос Мойры ее осадил:

— Нет, — та мотнула подбородком в сторону Кэла, — лучше пойти здоровяку.

О, нет. Джемма такое *ненавидела*.

Именно поэтому дальше произошло следующее:

— Так, — сказала Джемма тем тоном, который предшествовал опасной улыбке, — интересненько. Дайте угадаю: это потому, что...

— Да, девочка, — отрезала Мойра, и ее голос полоснул по словам Джеммы, перебивая ее. — Именно поэтому.

Улыбка замерла на полпути к лицу Джеммы, словно взгляд старухи ее заморозил.

— Йен считает, что женщины не должны лезть в мужские дела, — морщинистое лицо Мойры скривилось в отвращении. — Лучше тебе поверить мне на слово: тебе этот олух навстречу не пойдет. — И покачала головой, словно оскорбленная их глупостью. — Может быть, вам стоило подумать об этом и в прошлый раз.

Она не стала дожидаться, пока ей ответят. Тяжело развернулась и двинулась в сторону комнат. Магическим

образом тяжелые шаги тут же стихли, стоило ей пересечь границу столовой и коридорной темноты.

Кэл повернулся ко все еще стоявшей Джемме и предложил:

— Я схожу?

Та помолчала, барабанив пальцами по столу. Кэл видел ее качающееся на весах сомнение: пойти и проконтролировать самой или прислушаться к полезной подсказке. Видимо, встряска вернула ее в седло: она как будто снова взяла ситуацию в свои руки.

Или, может быть, вовсе не встряска.

Кэл мазнул взглядом по Куперу, который тоже выжидательно смотрел на Джемму.

— Иди, — наконец решила она, и звук бегающих по столу пальцев прекратился. Одна из чаш перевесила. — Всего лишь очередной мужской клуб. Ничего нового, — она смахнула волосы с лица и подмигнула Кэлу. — Будем хитрее.

Когда Кэл вышел на воздух, снег все так же продолжал заполнять улицы — медленно и неотвратимо.

Здесь он вообще не шел иначе: не летел наискосок, подчиняясь порывам ветра, не бывал мелким, не шел градом; только медлительно опускался большими хлопьями. Кэл поднял руку, ловя одно такое на ладонь — но то исчезло мгновенно, и даже холода после себя не оставило.

На главной площади Кэла уже ждали.

Лица деревенских постепенно становились узнаваемыми — Кэл различил и Йена, и старосту, и пару мужчин, которые помогали им вытаскивать Купера. Рядом

взволнованно озибался Бран — видимо, для помощи в английском.

Доу задумчиво гипнотизировал взглядом колодец, спрятавшийся от снега под деревянной крышей. Обычно он слышал чужое приближение намного раньше, но сейчас поднял голову, только когда Кэл оказался совсем рядом.

Лицо у него было еще мрачнее, чем обычно. Что ж, похоже, были новости.

Стоило Кэлу подойти, как местные прервали напряженный разговор. Взгляд Йена дернулся к голове Кэла, прямо к пульсирующей ране, сейчас уже промытой, обработанной и заклеенной. А затем он угрюмо, даже неохотно спросил:

— Вы что, пораниться?

— О, да не беспокойтесь, — Кэл широко улыбнулся, дотрагиваясь до пластыря. — Я крепкий малый. У ваших людей все в порядке?

Йен не ответил, а Доу за его спиной поджал губы. Лицо у него получилось таким выразительно-недовольным, что ближайший к нему мужчина покосился с подозрением. Нет, все-таки не умеет вести себя старина Сайлас с людьми. Странно еще, что он вернулся из леса на своих двоих, а не подгоняемый кирками и сапогами.

— Вы повести себя глупо, — наконец вынес вердикт Йен. Его мрачное лицо было застывшим — казалось, на нем двигаются только губы. — Неосторожно. Принести проблемы.

— Верно, — легко согласился Кэл. А затем обвел присутствующих задумчивым взглядом. — Но ведь дело вот в чем...

Ты ведь соврал.

Кэл не стал этого говорить. Он мог бы, конечно. Сказать: ты соврал, и теперь мы об этом знаем, так что

не отвертись. Сказать: мы узнаем, чем вы тут промышляете, и прикроем вашу оккультную лавочку.

Но на много миль вокруг не было ни души. Только пятеро агентов — против шахтерской деревни, ревностно охраняющей свои тайны посреди аномальной зоны, из которой нет выхода. Не будет ни подмоги, ни сирены полиции, ни очевидцев. Лес скроет все следы.

Именно поэтому голос Кэла был весьма умиротворяющим, когда он продолжил:

— Нам, конечно, жаль, — заверил он, — и мы готовы помочь устранить последствия. Но проблема в том, что именно в шахтах и оказался наш друг. Как мы и говорили.

— Мы не знаем, как он оказаться внутрь. Но не быть, — Йен перечеркнул воздух рукой, — не быть в нашей шахте!

Кэл приподнял брови: это было довольно наглое оправдание, в которое слабо верилось. Но выразить сомнение вслух так и не успел: вмешался Доу.

— Тоннель, — сказал он. Кэл обернулся к нему. Доу раздраженно хмурил брови. — Там, где мы нашли Купера. Внизу, прямо под шахтой, находится тоннель, Махелона.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Mifbooks

Mifbooks

Mifbooks